

Мистика и эстетика: Аннемари Шиммель и ее новаторский взгляд на ислам¹

Штефан Вейднер (р. 1967) – немецкий исламовед, писатель и переводчик, член исполнительного комитета Немецкой академии языка и поэзии, лауреат Премии шейха Хамада за перевод и взаимопонимание между народами (Катар, 2018). Среди его недавних книг «Jenseits des Westens. Für ein neues kosmopolitisches Denken» (2018), «1001 Buch. Die Literaturen des Orients» (2019), «Ground Zero. 9/11 und die Geburt der Gegenwart» (2021).

Великий немецкий исламовед Аннемари Шиммель (1922–2003), чей столетний юбилей мы отмечаем в этом году, заметно отличалась от немецких и зарубежных современников-исламоведов своим нетривиальным, полным любви отношением к исламу. Особый акцент в ее творчестве делается на исламском мистицизме и исламской эстетике. Спустя столетие было бы важно задаться вопросами о генеалогии этого образа ислама, его нынешнем значении и содержащемся в нем новаторском потенциале.

ЖЕНЩИНА В МИРЕ МУЖЧИН

Начну с важного признания: я завидую Аннемари Шиммель и был бы не прочь поменяться с ней местами. Разумеется, она не согласилась бы на такую невыгодную сделку, хотя, несомненно, моей целью при подобной рокировке выступило бы отнюдь не желание обзавестись внешностью нашей героини. И я, конечно, преисполняюсь завистью не из-за ее свершений и достижений. На самом деле она была не просто успешным человеком, но успешной женщиной, причем в среде, где повсюду доминировали мужчины.

Безусловно, я восхищаюсь ею за это, но очевидно, что никому и в голову бы не пришло позавидовать той борьбе, через которую ей пришлось пройти, всем тем мелким унижениям, о которых она рассказывает в своей автобиографии². Ее, например, на арабский или турецкий манер, иногда называли «Джемиле» или «Джамила» – и, хотя это слово переводится как «красивая», оно сводило личность Аннемари Шиммель к ее внешности. Разве осмелился бы кто-нибудь так поступать с высокоодаренным и подающим надежды мужчиной? «Мужчины наши враги», – цитирует Шиммель подругу-феминистку, и мы понимаем, почему это было сказано.

1 В основу настоящей статьи положена лекция, с которой автор выступил 23 апреля 2022 года в Эрфурте, в Лицее имени королевы Луизы, в честь столетнего юбилея Аннемари Шиммель. Текст предоставлен «НЗ» автором в мае 2022 года и печатается с его любезного разрешения.

2 См.: ШИММЕЛ А. *Morgenland und Abendland: Mein west-östliches Leben*. München: C.H. Beck, 2002. – Примеч. перев.

Благодаря учебе в Берлине и работе в Министерстве иностранных дел и Немецком восточном обществе (Deutsche Morgenländische Gesellschaft) во время войны, Шimmel завела тесные связи с немецкими востоковедами. Уже в 1941 году, в возрасте девятнадцати лет, она защитила докторскую диссертацию – что просто невысказано, по сегодняшним меркам; а в марте 1945-го, в сумятице последних недель войны, представила халявную академическую работу. Тем не менее более или менее приличную академическую должность ей удалось получить лишь в 1961 году в Бонне.

Аннемари Шimmel стала первой прославленной женщиной-исламоведом. Насколько острой была нехватка женщин в этой науке до ее прихода, можно судить по тому, что из десятков переводов Корана на европейские языки лишь один, да и то недавно, был опубликован женщиной: его сделала Ангелика Нойвирт. Нелепые предрассудки патриархальных культурных кругов, до недавнего времени затрагивавшие и нас, изображавшие сферу сакрального сугубо мужским поприщем, были развенчаны этим ярким примером.

Аннемари Шimmel, оказавшись между этих жерновов, не позволила себя раздавить – напротив, именно она, раз и навсегда сняв негласный запрет, сделала освоение исламских наук женщинами вполне обычным делом. Идущее за ней поколение породило множество выдающихся исламоведов-женщин. Я уже упоминал Ангелику Нойвирт; говоря о немецкоязычном мире, уместно также назвать Гудрун Шуберт, Ротрауд Виландт, Вибке Вальтер, Альму Гизе. Так или иначе, все они могут считать себя наследницами Аннемари Шimmel, причем не в последнюю очередь – в плане особой привязанности к восточной литературе.

Но если, как выяснилось, я завидую Шimmel не из-за ее карьеры, которой препятствовали мужчины – попутно признаюсь, что даже мне, представителю мужской половины человечества, делать карьеру было очень сложно, – то тогда из-за чего же? Ответ очевиден: моя зависть обусловлена теми многочисленными языками, которые она знала гораздо лучше меня. И, конечно, ее книгами, которых так много, что ее первенство по этой части навсегда останется неоспоримым. При этом утешать себя остается тем, что в написании книг она превзошла даже тех, кто был гораздо прилежнее автора этих строк.

Своими переводами и книгами она проложила дорогу для меня как для ученого-исламоведа. Я последовал по ее стопам в двух отношениях. Во-первых, это моя работа в журнале «Мысль и искусство» («Fikrun wa Fann»), который поддерживает арабоязычный диалог между Германией и арабским миром. Издание было основано в 1963 году Альбертом Тайлем и Анне-

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММель...

мари Шиммель, совместно возглавлявшими его до середины 1970-х. Четверть века спустя, на эпохальном рубеже 11 сентября 2001 года, мне выпала честь занять пост главного редактора. Сравнив выпуски журнала, издававшиеся Шиммель, с теми, которые редактировал я сам, можно получить определенный намек на то, на чем основывается моя зависть к основательнице этого издания: у нее была возможность печатать такой журнал на свой вкус исходя исключительно из эстетических и художественных критериев – и при этом совсем не касаться политики.

И, хотя совесть отнюдь не терзает меня за то, что я сделал журнал более политизированным, более спорным, более полифоничным, просматривая старые номера, невольно ловлю себя на мысли, что в те времена, когда им руководила Шиммель, мир был немного красивее, а редактор мог позволить себе большую восприимчивость к красоте и большую беспристрастность. Конечно, ее не раз обвиняли в недостаточном интересе к политике. Но в наше время, когда безжалостно политизировано все, вплоть до тончайших структур языка, к тем былым обвинениям остается относиться со снисходительным высокомерием.

ЖИВОЕ АРАБСКОЕ СЛОВО

Но, разумеется, в конечном счете, я завидую не этому. Прежде, чем пояснить, позвольте остановиться на втором аспекте деятельности Шиммель, где она тоже стала для меня примером для подражания. Аннемари Шиммель оказалась среди первых – и очень немногих – исламоведов своего поколения, которые интересовались современным мусульманским миром не как мертвым филологическим материалом или социально-политической проблемой – огромный энтузиазм у нее вызывала творимая в этом мире современная литература. В отличие от других исследователей, Шиммель интересовалась не только классиками восточного слова, но и ныне живущими писателями и поэтами, причем даже самыми молодыми. Для Запада это стало чем-то неслыханно новым. Исламский мир как бы становился нашим современником – причем не как политическая проблема, а как место, где генерируется живая и современная культура. Чтобы в полной мере оценить этот сдвиг, инициированный Шиммель, стоит учесть, что Иоганн Вольфганг фон Гёте, Фридрих Рюккерт и многие другие, чей интерес к Востоку всегда превозносился, интересовались тем не менее только его прошлым – теми поэтами, мыслителями, святыми, которые давно умерли.

Между тем Аннемари Шиммель опубликовала антологию переводов *современной* арабской поэзии еще в 1975 году. Двадцать лет спустя, будучи переводчиком и арабистом, я смог воочию наблюдать за составлением ею очередного сборника – и притереться, и попрактиковаться. Тон в подготовке той публикации задавала сама Шиммель. Можно ли было делать такое дело лучше? Признаюсь, основой моей редакторской работы было то, что для Аннемари Шиммель являлось главным образом чем-то побочным и второстепенным; мне, если можно так выразиться, приходилось возиться с опилками и стружками. И вообще если вам хотелось превзойти Шиммель, то вы должны были сосредоточить все свои усилия на том, что для нее составляло лишь периферию деятельности, берясь обеими руками за то, что она делала одной левой. Чтобы соперничать с ней, нужно было становиться профессионалом там, где она лишь импровизировала. Там, где ею были проложены первые тропки, мы потом строили большие, широкие дороги – и воображали, что можем сделать лучше, чем она. Конечно, в какой-то степени это так, или по крайней мере нам позволили в это поверить; но, в конце концов, именно Шиммель была первой из тех, кто ступил на этот путь.

Аннемари Шиммель никогда не рассматривала своих арабских, турецких, иранских, пакистанских знакомых и друзей как «агентов», туземных информаторов или кого-то в этом духе, не говоря уже об «объектах» антропологических, этнологических, социологических или политических исследований, как это часто делают сегодня. Ее автобиография «Моя западно-восточная жизнь» не в последнюю очередь великая книга памяти, посвященная всем ее друзьям-мусульманам. Отказавшись от искусственной академической и внутренней дистанции, которая отделяла многих представителей ее гильдии от «объектов изучения» и которая часто обосновывается научной необходимостью, она шагнула далеко за пределы своего времени – в будущее исламских исследований, если у них, конечно, вообще есть будущее. В этом вопросе мне не пришлось ей завидовать – я просто продолжил идти в том направлении, которое задала именно она.

ПРЕМИЯ НЕМЕЦКИХ КНИГОТОРГОВЦЕВ

Однако я завидую ей в том, что, несмотря на все перспективные аспекты ее работы, она всегда стояла по другую сторону того своеобразного раскола, который впоследствии не позволил нам продолжать движение по прямой линии. Что-то из разорванного позже пришлось пересмотреть. Упомянутый здесь разрыв

был отмечен не только террористическими актами 11 сентября 2001-го, о которых я уже упоминал и которым посвятил свою последнюю книгу «Ground Zero: 9/11 и рождение настоящего»³. Для самой Шиммель он стал очевиден еще раньше: это произошло в ходе кампании, развернутой против нее после получения ею в 1995 году Премии мира немецких книготорговцев (Friedenspreis des Deutschen Buchhandels). Главное из предъявленных обвинений сводилось к тому, что Шиммель воздержалась от твердой позиции в деле о фетве иранского аятоллы Хомейни, обрекавшей на смерть британско-индийского писателя Салмана Рушди – автора романа «Сатанинские стихи». Инкриминировали ей также и то, что она с «излишним» пониманием отнеслась к возмущению мусульман.

Эти события стали предвестниками идеологических столкновений, которые начали доминировать в немецкой и евроамериканской политике после 11 сентября 2001-го и достигли апогея во время так называемого «кризиса беженцев» 2015-го. Четкая и недвусмысленная позиция в отношении фетвы Хомейни была для Шиммель неприемлемой. Общественность рассчитывала, что она не увидит в литературном творчестве Рушди никакого повода для возмущения правоверных мусульман – и уж тем более не найдет для него оправдания: иными словами, от нее ожидали типичного для Запада высокомерия и невежества. В этом предвосхищении проявилась политическая логика «или – или», присущая воображаемой интеллектуальной ортодоксии и по сей день определяющая нашу культуру споров. Это ход мышления, в рамках которого все нюансы, все уравнивания, все парадоксы представляются чем-то недопустимым и подлежащим искоренению. Недавно мы столкнулись с этим типом рассуждений в дебатах о пандемии, а сегодня сталкиваемся в дебатах о поставках вооружений. Старое доброе понимание того, что бывают такие ситуации, к которым нельзя относиться как к задачам с четко прописанными вариантами ответов и в которых единственного, хорошего и правильного ответа просто не существует, полностью выветрилось из широкого общественного дискурса.

В истории с «Сатанинскими стихами» критики Шиммель столкнулись с парадоксом: книга Рушди, ее провокационная сила и художественное достоинство не могли быть поняты западными читателями без разъяснений со стороны специалистов-исламоведов. Ведь для того, чтобы постичь эту силу и уметь правильно оценить прочитанное, нужно знать мифы и легенды начального периода ислама, которые, собственно,

3 WEIDNER S. *Ground Zero. 9/11 und die Geburt der Gegenwart*. München: Der Carl Hanser Verlag, 2021. См. также рецензию Маргариты Шакировой на эту книгу, опубликованную в «НЗ»: 2021. № 5(139). С. 340–344. – Примеч. ред.

в романе пародируются. В отличие от обычных литературных или культурных критиков, Аннемари Шиммель принадлежала к небольшому числу тех, кто вполне мог оценить книгу должным образом. Оказавшись в такой ситуации, человек, который опасается, что имеющееся у него понимание способно поколебать самоочевидные истины, порой предпочитает оставить свое мнение при себе. Шиммель стала проекционным экраном для нового образа врага, который будто все еще держит нас в своих тисках сегодня и который, если демократическая удача нам изменит, может привести к развалу Европы завтра.

Спор о премии, полученной Шиммель, был, конечно, не причиной, а лишь симптомом раскола, от которого сама Шиммель держалась в стороне, но которого моему поколению, да и всем последующим, так и не удалось преодолеть. Так что же провоцировало этот разлом, в чем была его причина? Если говорить просто, то он объяснялся тем, что даже при жизни Шиммель невинный взгляд на ислам и исламский мир, на арабский мир и «Восток» стал уже абсолютно невозможным – хотя та парадигма исламских исследований, в которой она работала, предполагала наличие именно такого беспристрастного и непредубежденного взгляда. Если руководствоваться безжалостно-объективирующей «научной» дистанцией или не менее убийственной культурой подозрений, инсинуаций и настороженности, то чужие культурно-исторические явления не удастся адекватно осмыслить, не говоря уже о том, чтобы ими восхититься. При таких установках они остаются мертвым материалом – объектом для аутопсии.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

Шок Эдварда Саида

Наиболее яркое выражение и правдоподобное обоснование этой западной подозрительности к исламу, которая, кстати, носила обоюдный характер, представил американско-палестинский культуролог Эдвард Саид. Он был современником и, что важнее, коллегой Аннемари Шиммель по «Лиге плюща» в тот период, когда она преподавала в Америке. Книга «Ориентализм», опубликованная Саидом в 1978 году⁴, стала сенсационным предвестником постколониальной теории; она покончила с эпохой мнимой невинности, предложив теорию глубочайшего разрыва, который берет свое начало в искажениях колониальной эпохи.

Конечно, когда Саид деконструировал «ориентализм», он имел в виду не только академические исламские исследования и уж точно не то, как ими занималась Шиммель. В любом слу-

⁴ См. рус. перев.: Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мир, 2016. – Примеч. ред.

чае он милосердно обошел стороной немецкую ориенталистику – с одной стороны, потому что не знал немецкого языка, а с другой стороны, потому что строго филологический характер немецкого востоковедения предоставлял гораздо меньше возможностей для нападок, нежели ориентированная на политику и власть ориенталистика других, более старых, колониальных держав.

Поэтому Шиммель хорошо высвечивает те моменты, где Саид перегибает палку или просто ошибается. Мы не находим у нее ни расистской девальвации ислама, ни «прикладной» науки, которую можно легко использовать в целях силовой политики. К сожалению, этого нельзя сказать о немецком исламоведении в целом. До конца Первой мировой войны, а затем с 1933-го по 1945 год оно также охотно позволяло использовать себя в политических целях – например, для разжигания всемусульманского джихада против Англии и Франции. Достаточно напомнить, что одно из величайших достижений классической немецкой арабистики, «Арабо-немецкий словарь» Ханса Вера⁵, неоднократно переиздававшийся и переведенный на английский язык, был составлен во время Второй мировой войны и явился плодом глобальных политических амбиций «германского рейха». Так что, хотя Шиммель была права, чувствуя себя не затронутой Саидом (она также, насколько я знаю, нигде не вступает с ним в прямую полемику), ей тоже приходилось работать в рамках традиции и среды, которые вызывали обоснованные подозрения в перспективе антиимпериализма и постколониализма, отстаиваемых им.

Таким образом, в какой-то момент исламские исследования изменили свой изначальный предмет в восприятии прогрессивных кругов – они стали сомнительными, фрагментарными, атомизированными. В образовавшейся идеологической смеси, где зачастую трудно было разобраться, внезапно почти не осталось места для того видения ислама, которое было присуще Аннемари Шиммель. Шумиха вокруг вручения ей Премии мира лишь подтверждает это наблюдение. Но, поскольку есть веские причины помнить о ее воззрениях, я постараюсь объяснить их более детально, попутно очищая от идеологического мусора, который на них вывалили за последние полвека.

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Если использовать для характеристики этого видения ислама всего два слова, то мы можем назвать его «восторженным»

5 См.: WEHR H. (Hrsg.). *Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart*. Leipzig: Harrassowitz, 1952. – Примеч. перев.

или «романтическим». Опираясь на него, Шimmel фактически подрывала не только более позднюю критику ориентализма, предпринятую Саидом, но и постколониальную теорию в целом, а также препятствовала обесцениванию предмета ее исследования, которое неизменно чувствовалось в подходах к исламу, предлагаемых христианской и антиисламской пропагандой. Одновременно, кстати, она дезавуировала и ту диковинную форму интеллектуального империализма, которая состоит в некритическом воспевании «прогрессивной» современности и обесценивании всего, что с подобных позиций видится несовременным, устаревшим, неразвитым, отсталым. Со времен Просвещения это насаждение «прогрессивной современности» сопровождалось девальвацией религии, мистики и эстетики – другими словами, всего того, что придает очарование нашему миру и чему посвятила свои труды Аннемари Шimmel.

Поэт Новалис, подобно Шimmel, родившийся в Тюрингии, более двухсот лет назад уже анализировал эту ситуацию в выступлении «Христианство, или Европа». По его мнению, критика Просвещения со стороны «апологетов эмпиризма», как называет их Новалис, не остановилась на религии, где она слишком часто была оправданной:

«[Эта критика] очень естественно и логично распространилась на все предметы вдохновения. Объявила еретическими фантазию и чувство, нравственность и любовь к искусству, будущее и прошлое. Поместила человека в ряд природных существ и превратила бесконечную творческую музыку Вселенной в монотонное гремящее огромное мельницы, приводимой в движение Случаем и всецело отдающейся ему – в мельницу в себе, мельницу без зодчего и мельника. Собственно, в настоящий *perpetuum mobile*, мельницу, перемалывающую саму себя. [...Последователи новой веры] неустанно трудились над тем, чтобы очистить природу, землю, человеческие души и науки от поэзии – искоренить любой след святого, отравить память о всех возвышенных событиях и людях сарказмами и лишить мир всяких красок»⁶.

Новалис произнес эту речь на встрече ранних романтиков, состоявшейся в ноябре 1799 года в Йене, недалеко от Эрфурта, где родилась Шimmel. Его друг Фридрих Шлегель, который через несколько лет после этой встречи отправился в Париж ради изучения персидского и санскрита, в 1800-м написал в своем журнале «Атеней»: «Мы должны искать высшую романтику на Востоке», призвав переводить индийскую поэзию – то есть делать именно то, чем позже занялась Аннемари Шimmel, подготавливая переводы индо-мусульманских поэтов на немецкий.

⁶ ГАРДЕНБЕРГ Ф.Л. (Новалис). *Христианство, или Европа* // Ориентация. 1996. № 6 (<http://cultoboz.ru/-lr/58-6/337-1799>). – Примеч. перев.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

Таким образом, мы чувствуем на себе влияние как призыва Шлегеля к «прогрессивной универсальной поэзии», так и стремления Новалиса к «романтизации мира» – двух восстановительных концепций, устремленных к формированию точек соприкосновения, пересечения границ, цельного созерцания вещей. И то и другое направлено на размыwanie искусственно созданных размежеваний и расколов – не в последнюю очередь политического свойства. Уже для Иоганна Георга Гаманна, учителя Иоганна Готфрида Гердера, поэзия была «родным языком человеческого рода», а Фридрих Рюккерт в изречении, часто цитируемом Шиммель, предположил, что «всемирная поэзия есть всемирное примирение».

Аннемари Шиммель стремилась показать, каким может быть видение Востока в глобализованном мире, если использовать оптику романтической традиции. При этом она явно выходила за пределы изначальных установок ориенталистского, экзотизирующего, преобразующего взгляда на Восток, культивируемого Гердером и романтиками. Обращению к практике живого и конкретного перевода, какой придерживалась Шиммель, мы обязаны именно ее романтическому энтузиазму. Некогда доминировавший (а в коммерческом смысле и сегодня продолжающий доминировать) евроцентризм мировой литературы разрушался и разрушается тем, что с определенного момента переводится не только восточная классика, как прежде, но и, как я уже указывал, современная литература.

Поэтический и переводческий аспект ее работы в свою очередь имеет выраженную эстетическую сторону. Из всех исследователей мусульманства, которых я знаю, Аннемари Шиммель обладала самым сильным эстетическим чувством в отношении красот ислама. Таким образом, она создала точку опоры для следующего поколения, особенно для ученых, вышедших на сцену после 1990-х и имеющих мусульманские корни. Некоторым из них повезло лично поучиться у Шиммель.

МИСТИЦИЗМ

У Аннемари Шиммель интерес к эстетике ислама легко сочетается с интересом к его мистике. Человеку нравится представлять себе нечто загадочное, иррациональное. Мистицизм понимается как противоположность разуму, современности, рациональности, прогрессу и так далее. Однако это искаженный образ, восходящий к идеям светских и религиозных противников мистицизма и имеющий мало общего с его реальными проявлениями. Исторически мистицизм означает не ограничение рациональности и не противоположность ей, а

скорее ее расширение: использование той грани мышления, которая начала казаться странной и ненормальной только после секуляризации. Тем не менее сегодня многое из того, на что ранее навешивался ярлык мистицизма, можно отнести к гуманитарным наукам, включая философию, психологию или этику.

Как и в естественных науках, рациональность в мистицизме работает с моделями и гипотезами. Как и в естественных науках, она *конструирует* реальность исключительно тем способом, который предполагает дебаты и споры, опровержения и подтверждения – различные формы фальсификации. О том, как выглядели подобные модели и построения у мусульман, Шиммель рассказывает в своей классической книге «Мир исламского мистицизма»⁷.

Великие Моголы

Еще одной особенностью творчества Аннемари Шиммель был ее интерес к Индийскому субконтиненту. К сожалению, этот ракурс остается для немецкого исламоведения маргинальным – как, собственно, и для значительной части исследований ислама в целом. Индо-мусульманский фокус, который работа Шиммель обрела благодаря профессорской должности, предложенной ей в Гарварде, также образует перекресток, где мистика и эстетика не только совпадают, но, более того, сливаются воедино. Это можно видеть и сегодня в выдающихся творениях могольской архитектуры, которые воспринимаются непосредственно чувствами: таковы, в частности, Тадж-Махал в Агре или гораздо менее известная, но не менее великолепная мечеть Вазир-Хана в Лахоре – своего рода Сикстинская капелла империи Великих Моголов.

Большая часть Индии находилась под властью мусульман около пяти столетий; к ней, конечно, следует добавить Пакистан и Бангладеш, которые были насильственно отделены от этого исторического региона только после окончания британского колониального владычества. Самой могущественной и известной индийской империей была именно империя Моголов, расцвет которой пришелся на XVI–XVII века. «В империи Великих Моголов» – так называется книга Шиммель, посвященная этому ушедшему миру, у которого сегодня почти не осталось защитников из-за натиска индуистского национализма в Индии⁸.

⁷ См. рус. перев.: Шиммель А. *Мир исламского мистицизма*. М.: Алетейя, 1999. – Примеч. ред.

⁸ См.: SCHIMMEL A. *Im Reich der Großmoguln: Geschichte, Kunst, Kultur*. München: C.H. Beck, 2012. – Примеч. перев.

В империи Великих Моголов культура, в которой мистика и эстетика сочетались новаторским способом, прекратила свое существование. По имеющимся сегодня скудным сведениям, Моголы впитывали традиции разных времен и культур – от средиземноморской греческой античности и азиатских арабско-персидских империй Средневековья до индуистских и буддистских форм, которые в свою очередь находились под влиянием эллинизма начиная с азиатского похода Александра Македонского. (Александр имеет статус пророка в исламской традиции и даже фигурирует в Коране⁹.) Самый важный в литературном отношении эпос об Александре был написан персидским поэтом XIII века Низами. Благодаря прекрасному переводу Иоганна Кристофа Бюргеля, ученика и коллеги Аннемари Шиммель, мы теперь можем читать его и на немецком языке.

Арабская и персидская философия и мистицизм, интенсивно культивируемые в империи Великих Моголов, восходящие к позднеантичному неоплатонизму, слили эти древние течения с местными и возникшими уже после Корана традициями, сформировав суфийский мистический космополитизм. *Lingua franca* этого космополитизма выступал персидский – поэтический язык Хафиса и Руми, более половины тысячелетия доступный пониманию литераторов и мистиков от Сараево до Дели. Персидский язык также был придворным языком Моголов; любой британский колониальный чиновник, мечтавший о сколько-нибудь внушительной карьере, должен был выучить персидский язык.

Отголоски в Германии и Европе

Дело в том, однако, что развитие интеллектуальной истории, нашедшее в Германии свое выражение в таких фигурах, как Гаманн, Гердер, Шеллинг, Хаммер-Пургшталь, Гёте, Новалис, Шлегель и Рюккерт, всегда было связано с более древней, позднеантичной, неоплатонической – а затем и мусульманской – историей, мистикой и эстетикой. В этом отношении неудивительно, что Шиммель встретила следы этого мировоззрения в местах своего детства, в родном Эрфурте, у Рильке и Рюккерта, потом в восточных сказках, у Густава Фрейтага, в старой «Истории всемирной литературы», а затем и в фигуре молодого индийского гуру Кришнамурти, который в то время, стилизованный под «всемирного учителя» теософами, привлекал внимание всего мира – и был, вероятно, близок родителям Шиммель.

9 См.: 18:83–98.

Я уже упоминал о том, как мир ислама опосредованно представлялся в Центральной Европе – такая репрезентация стала следствием европейского колониализма, распространившегося на Азию в XVIII веке. Культурное богатство, пришедшее с колонизированных континентов, могло замкнуться на мистической традиции, сложившейся в Германии задолго до романтизма, воплощенной Майстером Экхартом, а также ранним Мартином Лютером и уходившей корнями в позднеантичную философию, опосредованную схоластикой – которая в свою очередь испытала влияние арабского языка. В раннем романтизме эта история идей нашла свое самобытное, в высшей степени рефлексивное продолжение. В «Цветочной пыли» Новалис писал:

«Мы грезим о путешествиях во Вселенной – не в нас ли Вселенная? Глубины нашего духа нам неведомы – внутрь ведет таинственный путь. В нас или нигде сокрыта вечность с ее мирами – прошлое и будущее. Внешний мир – это мир теней, он затеняет царство света»¹⁰.

Подобные высказывания свидетельствуют, что «таинственный путь» на Восток не был для ранних романтиков чем-то чуждым. Фридрих Шлегель – лучший друг Новалиса, как уже говорилось, в 1802-м отправился в Париж для изучения персидского языка и санскрита – выбрал именно его. В 1808 году он опубликовал свой влиятельный труд «О языке и мудрости индийцев». Его брат Август Вильгельм Шлегель со временем стал основателем немецкой индологии. Старший, третий из братьев Шлегелей, Карл Август служил в британской колониальной армии в Индии и умер в Мадрасе в 1789 году. Похоже, колониализм и интеллектуальный интерес к «Востоку» иногда связывались даже семейными отношениями.

Через несколько лет после выхода книги Шлегеля об Индии, в 1814 году, Гёте прочитал в Веймаре стихи Хафиза Ширази в переводе Хаммера-Пургсталя и начал работу над сборником «Западно-восточный диван»¹¹. В то же самое время молодой и амбициозный философ Артур Шопенгауэр, дороживший знакомством с Гёте и культивировавший его, взял в герцогской библиотеке в Веймаре две книги, столь же тяжелые, сколь и трудные: двухтомный латинский перевод Упанишад – древнейшего индийского свода религиозно-философских трактатов. Эти тексты в 1801–1802 годах опубликовал французский путешественник Анкетиль-Дюперрон; то есть они были еще одним плодом колониализма.

Интересно, что этот перевод на латынь был сделан не с санскрита, на котором первоначально записывались Упанишады, а

10 Цит. по: Новалис. *Фрагменты*. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 88. – *Примеч. перев.*

11 См.: Гёте И. В. *Западно-восточный диван*. М.: Наука, 1988. – *Примеч. перев.*

с персидского – как уже упоминалось, с языка могольского двора. Иначе говоря, первыми, кто перевел эту индийскую книгу мудрости, причем задолго до призыва Фридриха Шлегеля искать истинный романтизм на Востоке, были мусульмане Индии, а не европейцы. При Моголах были переведены и другие знаменитые индийские произведения – так же еще до того, как о них услышали в Европе: в частности, «Бхагавадгита» и «Махабхарата». Они санкционировали переводы этих вещей потому, что признавали индийскую мудрость равной собственной и хотели интегрировать ее в суфизм. Особенно это касается Упанишад. Они верили, что смогут найти в них мудрость суфиев и даже сам Коран. Поэтому Упанишады были переведены в суфийском духе, то есть так, как толковали эту книгу мусульманские мистики. Но за много веков до этого, на рубеже тысячелетий, аль-Бируни – великий арабский естествоиспытатель и историк – уже перевел «Йога-сутры» Патанджали и провел сравнение между суфиями и йогами.

Перевод Упанишад на персидский язык, что тоже не случайно, был выполнен в то же время, когда строился Тадж-Махал – Дара Шукох, принц-переводчик, был не кем иным, как сыном Мумтаз Махал, чью гробницу представляет собой это величественное сооружение. Все это происходило во время правления Шах-Джахана – самого известного из Великих Моголов, наряду с его дедом Акбаром. Полтора века спустя именно этот мусульманско-персидский перевод Упанишад, сделанный на латыни, был найден в библиотеке Шопенгауэром, глубоко повлияв на его философские взгляды – о чем философ не раз говорил на протяжении своей жизни.

Однако Шопенгауэр не мог знать, что он не просто читал Упанишады в латинском переводе – он читал тексты, основанные на предыдущем, *мусульманском*, переводе, *мусульманской* интерпретации, *мусульманской* трансформации. То, что Шопенгауэр считал индийским и индуистским, при ближайшем рассмотрении очень часто оказывается лишь суфийской интерпретацией первоисточника, написанного на санскрите. Сказанное особенно верно в отношении понятия «Майя», которое в персидском и латинском переводах трактуется как «любовь», «желание», «воля». В этой интерпретации упомянутый концепт оказал решающее влияние на философскую терминологию Шопенгауэра: его главная работа носит знаменательное название «Мир как воля и представление». Между тем вопрос о том, как сон и реальность соотносятся в нашем восприятии действительности, определяющий содержание концепции Майи, стал для Аннемари Шиммель одним из главных мотивов увлечения Востоком. С ранних лет он занимал ее больше, чем европейская мысль. «Люди спят, а когда умира-

ют, то пробуждаются» – это старое мусульманское изречение, согласно воспоминаниям Шиммель, впервые пробудило в ней интерес к Востоку.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДУХА

Это лишь один из многих примеров того могучего влияния, которое востоковедение, как бы мы его ни трактовали, будь то индийское, мусульманское, персидское, арабское или турецкое, оказало на Европу начала XIX века. Именно оно, в конце концов, во многом сформировало Аннемари Шиммель, которая впоследствии сама обратилась к изучению его источников – избегая, разумеется, выводов как о собственной подверженности этому влиянию, так и о *genius loci* местных ранних романтиков и мистиков.

По большому счету, никто из нас не привык признаваться в том, что испытал на себе какое-то внешнее или иностранное влияние. Это понятно: в противном случае нам пришлось бы согласиться с тем, что якобы «другое» и «чужое» – например, восточное и мусульманское – уже более двухсот лет не является ни другим, ни чужим, а сделалось частью нас самих. А потом нам придется принять ту истину, что «мы» уже давно сформированы этим предполагаемым и чуждым «другим», выросли рядом с ним и на его основе, стали «романтизированными», «глобализированными» – и, да, даже «современными»! – с его помощью. А следовательно, мы никоим образом не можем претендовать на превосходство, опережение или автономию во взаимоотношениях с предполагаемым «остальным» миром.

Деятельность Аннемари Шиммель замыкает круг идей, который, хотя и кажется поначалу чужим, оставаясь мусульманским, глубоко взаимосвязан и переплетен с европейской, а также азиатской интеллектуальной историей. В этом смысле знаменитая женщина-востоковед изучала не что-то инородное или неизвестное, а лишь забытую и подавленную часть нашей собственной культурной истории, тот ее сегмент, который всегда находился под влиянием неевропейского.

Я завидую Аннемари Шиммель из-за того, что она жила и работала в этом контексте беззаветно и естественно. Впоследствии мы лишимся этих исследовательских качеств. Колониализм, помимо всего прочего, был и идейной борьбой, замешанной на стремлении к европейскому превосходству. Тоталитарный гегемонизм Просвещения в значительной степени добился своего. Упомянутые явления, равно как и неразрывно связанный с ними расизм, а также их позднейшая и

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
МИСТИКА И ЭСТЕТИКА:
АННЕМАРИ ШИММЕЛЬ...

вполне оправданная критика, инициатором которой выступил Эдвард Саид, обернулись тем, что сегодня мы уже не способны столь же легко вписывать себя в эту традицию, что совсем недавно еще могла делать Аннемари Шиммель.

Когда мы смотрим на ее работы через сто лет после ее рождения, становится очевидным разрыв, который нам надо попытаться преодолеть – если, конечно, мы хотим иметь совместное будущее, достойное жизни. Чтение Аннемари Шиммель – лучшая подготовка к тому, чтобы подступить к этой задаче.

Авторизованный перевод с немецкого Вадима Королькова